

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

A romantic couple in futuristic armor embracing in a dark, starry space. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a white, glowing, textured dress. The man has dark hair and is wearing a white, glowing, textured shirt. They are both looking down at each other, and the background is filled with soft, glowing particles and light trails.

ХРАНИТЕЛИ

Владарг Дельсат

Хранители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364836

SelfPub; 2024

Аннотация

Россия, полные опасности девяностые годы. Александр Тихонравов отправляется на очередное задание государственной важности, но сталкивается с предательством. Теперь ему нужно спасти не только себя, но и еле стоящую на ногах незнакомку, которая в один миг становится для него самым близким человеком... Лилия Найденова всю свою жизнь испытывала только боль. Спасаясь от озверевшего мужа, она находит приют в доме Александра. Но на этом их испытания только начинаются. Что на самом деле стоит за встречей двух людей из разных миров? И какую цену они готовы заплатить за то, чтобы остаться вместе?

Содержание

Глава первая	5
Александр Тихонравов	5
Лилия Найдёнова	11
Глава вторая	16
Александр Тихонравов	16
Лилия Найдёнова	22
Глава третья	27
Александр Тихонравов	27
Лилия Найдёнова	32
Глава четвёртая	37
Александр Тихонравов	37
Лилия Найдёнова	42
Глава пятая	48
Александр Тихонравов	48
Лилия Найдёнова	53
Глава шестая	58
Александр Тихонравов	58
Лилия Найдёнова	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владарг Дельсат Хранители

Глава первая

Александр Тихонравов

БТР¹ со скрипом остановился, не глуша, впрочем, двигатель. Отдельный разведывательный батальон перебрасывался с техникой из Баграма в Гардез². Первая часть пути прошла неожиданно спокойно, «зелёнка» будто вымерла. В Кабуле встали на обед, заправку, чтобы «выгрести всё, что осталось на складах», и прочие военные развлечения. Прапорщик с редкой фамилией Полуэктов с удовольствием занимался выгребанием. Местные интенданты, видя этого «почти офицера» с двумя орденами, впадали в кратковременный ступор, чем товарищ прапорщик с удовольствием пользовался.

Старший лейтенант Васин отдыхал, пока его друг «выбывал» из складов хоть что-нибудь ещё сверх положенного. Юрку старший лейтенант знал давно, поэтому верил в него, как в самого себя. И действительно, взмыленный прапорщик

¹ Боевая колёсная плавающая бронемашина для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений и их огневой поддержки, в том числе и в условиях применения оружия массового поражения.

² Знатоков истории афганской войны автор просит промолчать в связи с тем, что произведение фантастическое.

отнял один из грузовиков и куда-то умчался. Васин только хмыкнул... Предстоял стодвадцатикилометровый переход в Гардез по не самым простым местам, и самое неприятное было в том, что старлей этим маршрутом шёл впервые. То есть возможных сюрпризов не знал.

– Прапорщик, возьми сестричку до точки, – попросил Полуэктова какой-то офицер. Приглядевшись, прапорщик узнал бригадного особиста³, что вызвало логичные, с точки зрения «почти офицера», вопросы. Рядом с начальником особого отдела бригады стояла Юлечка Ивантишина, при виде которой сердце Юрия на минуту замерло. Давно и, как он считал, безнадежно влюбленный в женщину Полуэктов попал в логический тупик.

– Командир меня на ДШК⁴ наденет, – задумчиво ответил так и не пришедший ни к какому выводу прапорщик отдельного разведбата. – Мы же впервые идём, а вдруг там эти...

– Это приказ, прапорщик, – спокойно произнёс особист, отмечая тем самым все сомнения.

– Есть, понял, – козырнул Полуэктов и улыбнулся Юлечке, спрыгивая с подножки. – Залезайте в кабину, товарищ медсестра.

Васин, увидев молодую женщину, сильно удивился. Удив-

³ Сотрудник особого отдела – военная контрразведка.

⁴ Крупнокалиберный пулемет Дегтярёва-Шпагина.

лялся он минут пять ⁵, вслед за ним удивлялся и поставленный в известность по радио начальник колонны. Когда поток... удивления иссяк, Юлька задорно улыбнулась, ответив тирадой, смысл которой сводился к тому, что её наличие в колонне не относится к служебным обязанностям товарища старшего лейтенанта, чем оно полностью убедила. Женщиной Ивантишина была весёлой и за словом в карман не лезла.

Разобравшись в порядке следования и разбудив механиков-водителей, офицеры готовились выступить в путь. Была надежда на то, что крупная колонна просто отпугнёт басмачей ⁶, но, конечно, надежда была так себе. Проверив и зарядив всё, что поддавалось этому, а поддавалось абсолютно всё, колонна отдельного разведбата с приданным ему «кое-чем» выдвинулась «кое-куда». Взревели двигатели боевых машин, матерно перекликнулись водители, зашевелились башни и, испуская сизый дым сгоревшей солярки, машины одна за другой уходили в сторону конечной точки. В пути были возможны неприятные сюрпризы – впрочем, солдаты и офицеры уже привыкли к такой обстановке.

Юлечку затолкали в бэтээр ⁷, чтобы злые дяди не обидели девочку неожиданным выстрелом. Это было и правильно, и не очень – что-то покрупнее могло и похоронить всех. Бас-

⁵ Подробности этого и последующих удивлений вырезаны цензурой.

⁶ Так поначалу называли моджахедов.

⁷ Бронетранспортер (сленг).

мачей уже потихоньку начинали называть просто «духами»⁸, но Васин перестраивался медленно, продолжая называть «нехороших дяденек» так, как привык. Внутри транспорта было душно и жарко, впрочем, жарко было везде, а воду требовалось беречь. Самые умные пили не простую воду, а слегка подсоленную, а у глупых на марше фляги отбирали офицеры. Впрочем, глупых было немного, они или учились и умнели, или меняли полевую форму на цинковую⁹ и отправлялись домой.

Прапорщик сидел рядом с Юлечкой, наслаждаясь просто тем, что она рядом. Женщина была молчалива, задумчива, но при этом с хитринкой поглядывала на Полуэктова. Юра понимал всю бесперспективность своей любви, но ничего с ней поделать не мог. Юля же... Женщина была умной, носила погоны, о которых никто не знал, и занималась делами очень тайными, о которых знать посторонним не следовало.

– Ну, что сидишь, глазами лупаешь? – по причине шума в брюхе машины ей приходилось кричать. – Обними девушку!

– Есть, – рефлексивно отреагировал товарищ прапорщик, выполняя приказ красивой женщины.

– Тёплый, – констатировала она, впервые подумав о том, что дома её никто не ждёт. Юля была сиротой. Мамы сво-

⁸ «Духман» на пушту – враг, «ман» отбросили, вот и получились «духи».

⁹ Гроб из оцинкованного стального листа, в котором обычно транспортируют и хоронят тела при необходимости длительной перевозки.

ей она не знала, а папа погиб, когда девчужке было пять. Папины друзья не оставили, конечно, ребёнка, но возвращаться ей было совсем некуда – её никто не ждал. А ей, как и всякой женщине, хотелось тепла и ласки.

Поставив точку, я вздыхаю, задумчиво глядя в окно. В Афганистане меня не было, конечно, по возрасту не прошёл, но пишу о нём, потому что это более-менее безопасно. Попробовал бы я что-то такое о Чечне написать, начальству это точно не понравилось бы.

Я – писатель-фантаст, и эта история будет в результате очень даже фантастической, соединив прапорщика и медсестру, которая, конечно же, никакая не медсестра – ну да это уже понятно: не будут простую медсестру впихивать в колонну по приказу особиста, так что тут уже ясно, что всё не просто. Надо писать дальше, ибо считается, что кормлюсь я именно с этих вот книг.

На дворе – второй год так называемых «нулевых», бардака в стране хватает, и такая легенда вполне проходит, конечно. Ну а та контора, где я на самом деле работаю, огласки не любит, потому приходится легендироваться даже дома. Впрочем, на мой взгляд, это норма, нечего и думать о смене работы. Во-первых, от нас можно уйти только ногами вперёд, а это мне ещё рано, и, во-вторых, смысла в этом нет – работа интересная, с командировками, а от добра добра не ищут.

Мне тридцатник недавно стукнул, то есть детство моё

прошло в той самой стране, где все и процветали. Допроцветались до того, что полыхнуло всё вокруг, как бензином политое, потому у меня сразу же нашлись интересные занятия. Года до девяносто шестого активно занимался, а потом меня пригласили уже и в нашу контору. Сыграло свою роль многое – и знание пяти языков на уровне свободного владения, и опыт, и даже тот факт, что заочно на физтехе тогда учился.

Ну а сейчас я на отдыхе после очередной командировки, сижу вот, книжку пишу, по сторонам поглядываю, но тут у нас тихо. Город Энск что при Союзе был тихим, что сейчас сонное царство, даже бандитов нет – нечего им тут делать.

Лихие девяностые, конечно, жизнь перевернули. И помогало меня где ни попадя, и семью забрало... Первым батя ушёл – просто не перенёс падения огромной страны, вот и подвело его сердце, а мама ушла вслед за ним, оставив меня одного на всём белом свете. Ну, тут ничего не поделаешь, жизнь – она такая...

Тяжело вздохнув, я снова берусь за перо – нужно дописать хотя бы до конца главы. Завидую я этому прапорщику – девчонка рядом непростая к нему неровно дышит, да и он сам влюблён, не то что я – один как перст. Но с моей работой так, может, и лучше, просто тоскливо иногда. Человек – всё же животное коллективное... Ладно, всё, отставить хандру, писать надо.

Лилия Найдёнова

Сидя на высоком стуле, стоящем на веранде богатого дома, я курю тонкую сигарету, задумчиво глядя на качающиеся ветки дерева. Что это за дерево, мне неинтересно, я просто бездумно смотрю на шевеление листьев. Сижу, курю и смотрю...

Мне недавно исполнился двадцать один год, можно было бы сказать, что я ещё ребёнок, вот только детства у меня никогда не было. Хотя, может быть, я его просто не помню, ведь нашли меня голой и босой на улице. Хорошо, хоть лето было. Сидела в траве, ничего не понимала, даже разговаривать не умела, как говорят. Докторша записала меня двенадцатилетней, так я в детском доме и оказалась. Даже имя мне там дали, ведь настоящего я не помню. Я о себе настоящей вообще ничего не помню...

Первое моё воспоминание связано с детским домом. Наверное, память сохраняет только самые яркие моменты, поэтому моим первым воспоминанием оказывается боль. Сильная боль сзади, чей-то истеричный крик – и больше ничего. Взрослые в детском доме были злыми и какими-то усталыми, отчего предпочитали с нами общаться тумаками, поэтому я быстро научилась прятаться, пока не начала разговаривать, а вот в школе... Помню, что хорошо училась, но вот чему там учили – не помню совершенно.

Прятаться надо было не только от взрослых, но и от старших ребят, которым я чем-то нравилась, хотя ничего особенного во мне нет. Большие зелёные глаза, светлые волосы, ну и худая я очень была, потому что кормили нас так себе. Кто постарше и небрезгливый, те воровали, а я не могла. Меня даже заставить пытались силой, но я всё равно не могла, поэтому, наверное, и отстали.

Самое страшное началось, когда выросла грудь. За неё любили хватать старшие ребята и даже иногда взрослые. И пугали сильно, просто до дрожи. Я одно время даже спала под кроватью, чтобы не нашли. Так что воспоминания у меня о детстве не очень.

С Серым я познакомилась, когда мне четырнадцать уже было. Не знаю, что Серёжа забыл возле нашей школы, но он меня отбил тогда от целой компании. Старшие ребята уже задирали на мне одежду – понятно, что собирались сделать, они зажимали мне рот и били в живот, отчего я не могла им сопротивляться. Я как сейчас помню этот день...

– Будешь сосать хорошо – целая останешься! – шипел мне в лицо Колька из десятого класса.

– Сейчас мы тебя... – вторил ему его приятель, залезший потными пальцами прямо... туда.

Я уже прощалась с жизнью, осознавая, что после такого жить будет совсем незачем, и тут вдруг откуда-то налетел огромный такой взрослый, как шкаф. Он сильно побил десятиклассников, а потом взял меня на руки. Это было очень

приятно... Сергей меня тогда отвёз к врачу, который подлечил меня, а потом как-то очень сильно припугнул воспитателей в детдоме, отчего меня совершенно перестали трогать.

Я почувствовала себя более защищённой, но после девятого класса всё равно попросилась к нему, потому что очень уж страшно было. К тому времени я уже согласна была на это самое, только бы не били, а в школе в последнее время меня начали подкарауливать девки. Зачем им нужно было меня обязательно унижить и избить, я не понимала.

Тогда я уже знала, что Серёжа – бандит, но считала, что раз всё равно рано или поздно со мной *это* сделают, то лучше пусть это будет тот, кто мне хотя бы не противен. Но, против моего ожидания, мужчина не стал меня сразу «распечатывать», напротив, он говорил, что побережёт меня. Что это значит, я на тот момент не понимала.

Прикрепив ко мне машину с шофёром, Серёжа обеспечил меня курсами, чтобы мне не было скучно, так я и училась. Ну а когда мне исполнилось семнадцать, он официально распечатался со мной. Вот только тогда он меня и... Не скажу, что между нами есть большая любовь. Серый меня, может, и любит, а я его – нет. Раздвигаю ноги из благодарности, изображаю любовь и удовольствие от этого дела, хотя не чувствую почти ничего. Но тут ничего не поделаешь, идти мне некуда, поэтому буду женой бандита, куда деваться...

В последний год Серёжа начал называться «олигархом», но для меня разница небольшая, разве что сейчас он сам ни-

кого не убивает, а я... Я – фифа снаружи, а вот внутри... Кому какое дело до той маленькой безымянной брошенной девочки, что горько плачет где-то на дне моей души? Никто этого не видит и не увидит, потому что никому это и не надо.

У меня есть всё, что мне нужно, и даже сверх того, но я понимаю, что просто устаю. Мне бы заняться чем-нибудь важным, но работать мне не позволит Сергей, а ничего другого важного я просто не знаю. Книги писать? Так тут талант нужен, хотя муж вполне может купить мне типографию, которая будет печатать, что сказано. Вышивать? Разве это важно? Вязать? А смысл? Детей у нас нет, с чем это связано, я не знаю.

Сергей возил меня к докторам, но те сказали, что я абсолютно здорова, а себя проверять он не решился. Я уже подумывала взять ребёнка из детского дома, но, вспомнив свой опыт, не решилась. Дети там звереют быстро, иначе просто не выжить. Наверное, надо завести собачку какую-нибудь или кошечку, как жёны Серёгиных друзей делают, но мне просто не хочется. Сама я любви никогда не знала, разве смогу я полюбить кого-нибудь? Как бы узнать, что это такое – любовь?

Я трезво смотрю на жизнь, хоть и прожила совсем немного вроде бы. Смысла у моего существования совсем нет, я просто прожигаю день за днём, симулирую удовольствие – что в постели, что в повседневности. Я отлично это понимаю, вот только выбора у меня нет совсем никакого. И хочется

выплакаться, но я, во-первых, не умею, а во-вторых, некому. Приятельницы меня просто не поймут, а близкой подруги, которая смогла бы понять, у меня просто нет. Мы хихикаем, делимся какими-то мелочными проблемами вроде цвета и длины ногтей, но друг другу ни на гран не доверяем.

Кому тут доверять, если все мы изображаем из себя клинических дур, а некоторые, как Матильда, похоже, ими и являются. Но её мужу с погонялом¹⁰ Зубило это, кажется, нравится. Он сам невеликого ума человек, ну да от него не ум требуется, а умение бить. Правда, думать о том, чем занимаются в жизни наши «олигархи», мне не хочется. Все вокруг суть дикие звери, потому и не жалко никого.

Кажется, зачем мне такая жизнь? Но выбора всё равно нет никакого, поэтому и сижу я сейчас, покачиваясь на высоком стуле, на веранде нашей виллы и смолю длинную тонкую сигарету ради баловства.

¹⁰ Кличка.

Глава вторая

Александр Тихонравов

Что я помню из своего детства? Папа работал дипломатом, ну и мама с ним, поэтому по детству я помотался по миру с родителями. Оттуда и свободное владение языками, кстати. Есть что вспомнить, да и детство своё я считаю очень счастливым. Возможно, именно поэтому на меня Контора внимание и обратила. Ну а мне-то что...

Как Союз рухнул, так и полыхнуло всё кругом, молодому парню приключения нашлись. Где меня только ни носило, везде успел, даже там, где официально наших не было. На память о девяностых остались, кроме родительской могилы, два лёгких ранения и контузия. В общем-то, можно сказать, легко отделался – живой же. Живой... А зачем?

Вот когда я себе задавал вопрос, что теперь будет, на меня Контора и вышла. Так я обрёл смысл какой-то в моей жизни. Сначала, конечно, была подготовка, времена-то изменились, никто рацию на себе не таскает, технологии появились разные, вот и готовили меня довольно-таки серьёзно. Ну а потом в качестве практики послали в одну интересную страну – выкрасть не самый простой документ. К моему везению, в той стране как раз начался бардак местного масштаба, от-

чего мне удалось довольно просто выполнить задание.

За первым заданием последовало второе, затем третье, награды, деньги, вот только было у меня ощущение, что всё это – баловство какое-то, несерьёзное совершенно. Своё мнение я, разумеется, держал при себе и рта без команды не открывал. Сейчас вот уже полгода – тишина, что очень странно, ибо вряд ли все враги закончились. А что это значит? Значит, надо ждать.

Чтобы скоротать ожидание, пишу книгу. Работы мои берёт охотно одно известное издательство, хотя я подозреваю, что и тут Контора подсуетилась, обеспечивая мне легенду. Гонорары невысокие, но они есть, кроме того, те же соседи видят мои книги в магазинах, поэтому не возбуждают. Ну а деньги есть – зарплата конторская, да наградные, да премии – так и набегает довольно-таки солидная сумма.

Есть у меня ощущение, что не зря меня так долго держат вдали от работы: или провокация какая готовится, или нужна подготовка для моей работы. Во второе я верю больше, потому что провокация с моим участием – это просто не смешно. Меня пристрелить легче, чем что-то устраивать, да и та часть Конторы, в которой я работаю, работу на дом не берёт. Значит...

Вот только где я могу понадобится, мне пока совершенно непонятно. Вроде бы в мире ничего серьёзного особо не происходит. Да и не пошлют меня на акцию, я же не боевик. А для агентурной разведки нужно время... Действительно,

могут заслать на длительную инфильтрацию, типа живи, расти, пока не позовём. Задумавшись об этом варианте, я понимаю, что мне всё равно.

Здесь меня ничто не держит, нет у меня никого, поэтому я в своих решениях свободен, как птица в полёте. С девушками мне почему-то не везёт – или привитые родителями манеры их отпугивают, или отсутствие «Мерседеса». «Мерседес», кстати, как раз есть – папин, но он стоит в гараже, некуда мне ездить, а до набережной, если что, я и пешком добраться могу. Вот только кроме магазина никуда мне не нужно. В кино не тянет, в театр... тоже, честно говоря. Да и нет у нас в городе больше театра, а от кино одно название осталось.

Мои размышления прерывает звонок новомодного мобильного телефона. Потянувшись к кирпичу с воткнутым кабелем зарядки, выщёлкиваю антенну и только после этого нажимаю зелёную клавишу приёма вызова. Килограмм, наверное, весит аппарат, но зато качество связи отличное.

– Тихонравов, – бросаю я в трубку, потому что номер у меня служебный, отчего позвонить может только понятно кто.

– Двигай в Контору, – сообщает мне знакомый голос Василича. – Час у тебя всего.

Василич – колоритный старик лет восьмидесяти, кажется. Он и Сталина помнит, и Берию, и кого только ни помнит. Суровый старик, смотрит – как в прицел, с непривычки не по себе становится. Ну а раз он и срок назвал, то, зна-

чит, время не терпит. Возможности ждать такси у меня нет – не успею, значит, поеду на папином автомобиле. Пришла, значит, пора...

Двинувшись в гараж, открываю створки вручную, чтобы оглядеть транспорт. Турбодизельная машина выглядит так, как будто только что с завода, несмотря на то что выпущена двадцать лет назад. Обслуживаю я её, конечно, регулярно, поэтому к движению она готова. Хмыкнув, сажусь за руль, ощущая каким-то чудом не выветрившийся запах папиного одеколona. И вот тут меня впервые за все эти годы тянет просто расплакаться. Вдруг появляется странное желание – обнять маму, прислониться к папе, как в детстве...

Едва справившись с собой, я завожу с готовностью заурчавший дизель. Надо ехать, в Контору просто так не зовут. Автомобиль легко отзывается на нажатие педали, мягко выкатываясь на улицу. У меня всего час, и за это время нужно доехать до «внешнего» офиса, потому что, если бы имелся в виду основной, Василич назвал бы «стекляшку», а так... Ну да мне же проще.

Я шустро выскакиваю на окраину городка, чтобы рвануть по шоссе в сторону виднеющегося на горизонте большого города, точнее, его окраин. Что-то мне подсказывает, что зря я не запер дом на десять замков... Ну да ничего, если что, того же Василича попрошу, он присмотрит.

Долетаю я как-то очень быстро, но едва успеваю выскокить из машины, как тут же попадаю в оборот – меня бук-

важно за рукав хватает начальник оперативного отдела, затаскивая к Генералу. Это и кличка его, и звание, но вот тот факт, что меня буквально затаскивают к высокому начальству, не дав даже представиться по-человечески, удивляет. Настолько всё срочно, что ли?

– Без чинов, – жёстко командует товарищ генерал. – Покажи ему!

– Вам о чём-то говорит эта бумага? – интересуется начальник оперативного, вынимая из папки довольно старый документ и протягивая его мне.

Вчитавшись, я понимаю, что действительно говорит. Бумага, написанная готическим шрифтом, что сразу же указывает на её солидный возраст, говорит о тайнике с чудо-оружием серьёзной разрушительной силы. По описанию похоже на термоядерную бомбу, что странно, ведь будь у фрицев такое оружие... Понятно, что использовали бы.

– На туфту похоже, товарищ генерал, – честно отвечаю я. – Хотя обороты речи и характерные, но будь у фрицев что-то такое...

– Да, я тоже так подумал, – кивает генерал. – Но проверить нужно. Поэтому ты и проверишь, завтра... Нет, сегодня же вылетаешь в Швейцарию и занимаешься этим делом.

Вот тут я настораживаюсь. Детскую игру напоминает. Так дела не делаются, сначала происходит легендирование, затем тщательная подготовка, обеспечение и тому подобные радости. Подставить под слив хотят? Проверить, откуда течёт?

В любом случае, это задание точно несерьёзное и выглядит совершенно нелепым... Но приказ есть приказ, его нужно выполнять... Впрочем, учитывая, куда меня направляют, варианты у меня есть, в том числе и те, о которых Контора и не догадывается.

Через пять минут сотрудникам Конторы удаётся поколебать мою уверенность, потому что лечу я под своей легендой – писателя, которого за правду невзлюбили. Так себе отмазка и сейчас уже не сработает, но вполне обосновывает мой прилёт и нежелание бывать на людях. Будем считать, что старшим товарищам виднее, и включимся в процесс подготовки. Всё же, почему такая срочность?

Лилия Найдёнова

Люди думают, что если ты жена «олигарха», то постоянно как сыр в масле катаешься, а ведь это не так. Как бы Серёжа себя ни называл, он был бандитом, бандитом и останется. А это не только взгляд на вещи, это сама суть, поэтому и ударить может, например. Помню, когда лет в шестнадцать пыталась взбрыкнуть, огребла по морде так, что левый нижний резец протезировать пришлось. Потом-то он, конечно, извиняется, но это же потом...

Предчувствие у меня сегодня нехорошее. Примерно такое же, как тогда, когда по нашей машине из автомата стреляли. Но сегодня мы вроде никуда не собираемся, а предчувствие такое, как будто смерти в глаза заглядываю, как тогда, в четырнадцать. Страшно становится...

Сергея нет, он то ли в том месте, которое называет работой, то ли с корешами где-то – не моего ума это дело. Вот почему-то убежать хочется так, как никогда в жизни, только куда я убегу? У меня нет ничего – ни специальности, ни работы, ни денег особо. У меня только липовый аттестат школьный, сертификаты с каких-то курсов по домоводству, и всё. Да и найдёт меня Серёжа, тогда мне точно небо с овчинку покажется. Нет, бежать мне некуда...

Но почему-то страх, как морской волной, накатывает, затопляя всё вокруг. Только бы не сильно пьяный вернулся.

Когда Серёжа сильно пьяный, он либо тушка, либо бешеный зверь – и порвать может, по крайней мере, такое ощущение возникает. Есть шанс перенаправить его усилия – если раздеться, его встречая, тогда мысли пойдут в одном направлении, а *там* я всё равно почти ничего не чувствую, только распираание. А так – ни боли, ни удовольствия... Да и нет у меня тяги именно к такому удовольствию, даже попытка погладить себя вызывает, скорее, щекотку, как будто я всё ещё маленькая девчонка.

За открытым окном слышится звук мощного двигателя, резко оборвавшийся. Я выглядываю в окно и сразу же замечаю, что дело плохо – Серёжа мой не только пьян, он ещё и зол, значит, может сорваться от чего угодно. В любом случае, секс будет жёстким, он иначе в таком состоянии не умеет. Ну что ж, пусть будет платой за «сладкую жизнь». Бельё надо снять, а то разорвёт, жалко будет... Несмотря на то что денег на меня Сергей не жалеет, я не люблю расставаться с тем, что мне нравится, пусть даже это всего лишь трусы.

Дверь распаивается, я спешу навстречу своей судьбе, но, видимо, неправильно оцениваю состояние мужа. Он сейчас, скорее, разъярённый медведь. Увидев выражение его лица, я чувствую панику, отчего взвизгиваю и пытаюсь убежать. Это, пожалуй, ошибка – бежать в смысле. Сергей протягивает руку, ловя меня за волосы, я чувствую удар прямо в лоб, и сознание меркнет.

Открываю глаза я от боли, сразу же закричав. Обнаружи-

ваю себя голой, с шеей, зажатой его ногами, а боль концентрируется сзади и на спине. От этого, казалось, давно забытого ощущения я в первый момент замираю, оборвав крик. Он меня – что? Как в детдоме? Но свист с последующим ударом обжигает спину и ягодицы, вышибая все мысли из моей головы. Больно так, как никогда, кажется, не было, поэтому я визжу, визжу, а он только сильнее от этого распалается.

Я не знаю, сколько времени это длится, кажется – бесконечность. Но избиением дело не заканчивается. На смену хлестким ударам приходит мучительно-разрывающая боль сзади, от которой моё сознание гаснет. Видимо, я отключаюсь надолго, потому что, когда я снова открываю глаза, этого зверя рядом нет. Болит всё тело, и очень сильно, отчего я просто реву, не в силах сдержаться.

Именно так Сергей никогда ещё со мной не поступал. Именно так не бил и не делал кое-что другое. Чуть успокоившись, я медленно поднимаюсь на дрожащие ноги, взвизгнув ещё раз от страха – я вижу, чем он меня. Толстый тяжёлый ремень, покрытый заклёпками, отсвечивает красным, значит, кожу он мне содрал, получается...

Медленно, держась за стены, я почти ползу в ванную, чтобы оценить, чем для меня закончилась ярость мужа. Раньше, когда он меня бил, это было всегда за дело, а сегодня совсем непонятно, почему. Ну и ремнём он меня ещё ни разу не бил... Странно, что я могу связно рассуждать, а не катаюсь в истерике.

Мне кажется, именно эта его беспричинная ярость что-то сломала во мне. Я рассматриваю себя в зеркале, понимая, что вот так на люди показываться нельзя – задница и часть спины с ногами очень качественно исполосованы, наливаются синяки, кое-где течёт кровь. Ну и из... тоже кровь видна... Надеюсь, он меня не разорвал, естество-то у него крупное, а пялил он меня по сухому... Наверное, я должна быть в истерике, но голова ясная, только ужас дремлет на дне сознания да паника время от времени пытается меня накрыть с головой, достаточно только представить, что так будет каждый день.

Открываю глаза. Я лежу на полу в ванной. Видимо, в обморок упала, только представив. Но нужно обработать те места, которые кровоточат, и синяки смазать мазью от ушибов... Хотя, мне кажется, что мазью от ушибов и синяков надо обмазывать всю Лилию. Закончив с процедурами, опускаюсь на колени, опираясь грудью о бортик джакузи, чтобы проплакаться.

Именно такое избиение, без формального даже повода, будит воспоминания о детдоме, весь страх и ужас ребёнка, оказавшегося не пойми где. Боль телесная перемешивается с болью душевной, отчего я уже почти вою, не в силах сдержаться. Да, судя по всему, этот зверь или спит, или ушёл уже... Лучше бы он, конечно, ушёл, потому что у меня желание только одно – куда-то убежать. Может, улететь куда-нибудь, отдохнуть, успокоиться?

Оценив себя ещё раз сзади, я понимаю, что Мальдивы отпадают – в таком виде в купальнике я буду вызывать жалость. А вызывать жалость я не люблю, просто очень не люблю. Нечего меня жалеть, лучше просто пристрелить, и всё. Но мысль куда-то слетать очень хорошая.

Я встаю на ноги, ещё всхлипывая, чтобы надеть на себя что-нибудь такое, что не сделает больнее. Ванная комната, огромная, как бассейн, качается перед глазами. Дверь, стоит мне потянуться к ней, резко распахивается, за ней обнаруживается злощный муж. Я даже сказать или сделать ничего не успеваю, на меня сходу обрушивается удар.

– Молчать! Спать мешаешь! – разъярённым зверем рычит Сергей, выписав сильную затрещину, от которой я куда-то улетаю... Кажется, я лечу бесконечно долго, пролетая сквозь какие-то строения, чтобы оказаться в аду. Я умираю?

Глава третья

Александр Тихонравов

Как-то это всё дурно пахнет, по-моему. Или меня с кем-то перепутали, чего, по-моему, не бывает, или есть что-то, чего я не знаю, или я – это операция прикрытия. Хотя даже для прикрытия как-то слишком топорно. Я не могу понять, что происходит, ведь меня явно заторапливают. Но такого просто не бывает! Не бывает заданий типа «найди спрятанное шесть десятков лет назад, которое никто не нашёл, но срочно». Не бывает таких финансовых возможностей, потому что мне дают доступ к номерному счёту, а это совсем уже ни в какие ворота не лезет, потому что в Швейцарии я моментально стану светиться, как гирлянда на новогодней ёлке. Там живут отнюдь не дураки, мне ли не знать...

– Василич, присмотри за домом, – прошу я старика. – Документы под доской в спальне.

– Ты понял, – кивает он. – Постарайся всё же остаться в живых.

От этого разговора меня прошибает пот. И так ничего не понимаю, а тут такие намёки. Значит, получается, меня отправляют «туда, не знаю куда», именно в варианте прикрытия? То есть задача – сдохнуть так, чтобы противник ни

на миг не усомнился в том, что именно я выполняю основную задачу? Опять странно получается. Ну не бывает в Конторе так, разве что вытащить кого-то важного нужно или украсть...

Может ли такое быть? Будь дело при Союзе, сказал бы, что, скорее, украсть... Но вот сейчас уже нет строительства коммунизма, что такое важное и, главное, срочное могло произойти? Я полностью погружён в свои мысли, благо меня оставили разбираться с документами, и пытаюсь представить, что же такое могло случиться.

И вот тут среди документов я вдруг обнаруживаю газетную заметку. Это именно вырезка из газеты, причём американской. Трезво рассудив, что случайностей не бывает, я вглядываюсь в плохонько пропечатанный текст, что говорит о классе газеты. Жёлтая пресса есть жёлтая пресса. Заметка составлена в духе «мы все умрём» и повествует об астероиде, приближающемся к Земле.

Понятней ситуация не становится. Ну, допустим, астероид угрожает всему существу, тогда же можно по нему ядерными отработать? Зачем искать не пойми что? Вот это и непонятно. В тот факт, что моё начальство психически нормальное, я верю даже очень хорошо, но что именно произошло?

И вот тут мне в голову забредает совершенно идиотская, на мой взгляд, идея. Если на минуту представить, что ситуация связана не со мной, а с отцом? Он в том числе имел дело и с «золотом партии». Времена у нас нынче бандитские,

власть... хм... ладно, не будем об этом. Так вот, если представить, что некто захотел отжать себе это золото и зачищает всех, кто мог бы знать пароли... Тогда похоже на правду. Очень даже похоже, включая номерной счёт, вполне возможно, входящий в общую структуру.

Вот чего мои коллеги не знают, так это того, что счёт в швейцарском банке у меня есть, точнее, он папин, но я – законный наследник, и банк это признаёт, ибо репутация старейшего банка Швейцарии – штука серьёзная, и никто ею играть не будет даже ради сотни тысяч франков.

Значит, можно принять за рабочую версию следующее: разыскиваются и зачищаются все концы по «золоту КПСС», поэтому такая срочность – чтобы просто не успел подумать. Обидно, конечно, что меня так запросто слили, но и нервничать не стоит. Вряд ли киллер на той стороне хоть о чём-то догадывается, а возвращаться я не планирую.

О чём-то таком папа в своё время и думал, заставляя меня заучить номер ячейки, а учитывая, что тогда все воровали, то и получается, что часть золота прилипла к его рукам. Нет, я папу не осуждаю, делать мне больше нечего, только теперь его смерть мне совсем не кажется естественной, как, кстати, и мамина. Ну а раз так, то у меня есть кровник, и мне ещё предстоит его найти. Ла-а-а-адно...

Сформировав версию, я успокаиваюсь. Завалить самолёт, в котором я полечу, вряд ли кто решится, потому как и времена не те, и фигура я не того калибра. То есть мочить будучи

в Швейцарии. Ну, это если найдут, конечно, я-то постараюсь исчезнуть максимально быстро. Затейники какие... И статью даже подсунули, только я долгое время жил на Западе и знаю, что доверять жёлтой прессе – это себя не уважать.

– Готов? – интересуется так легко слившее меня начальство.

– Так точно, – отвечаю я, хотя хочется его пристрелить, но я понимаю бесперспективность этого действия – не его идея, он, скорее всего, тоже приказ выполняет.

– Отлично, – улыбается начальник, протягивая мне руку. – Тогда двигай в Шереметьево.

– Уже? – не могу я сдержать удивления. Как-то слишком даже быстро на мой взгляд.

– Твой борт через три часа, – объясняет мне собеседник, в глазах которого только лёгкое злорадство. Интересно, а ему-то что я сделал? – Как раз успеешь.

Получается, что времени на раздумья нет. Поэтому я киваю и топаю к машине. Мой «тревожный» чемоданчик всегда в багажнике, потому что так папа приучил. Получается, знал он, что однажды мне и эта наука пригодится. Ладно... Рано или поздно посчитаемся. С этой мыслью я и сажусь за руль, чтобы отправиться в дорогу. Получается, это моя последняя поездка на папиной машине и, если не повезёт, то увижусь вскоре с мамой и папой. Тоже неплохо, в конце концов...

Шереметьево совсем не изменилось, поэтому я ставлю ма-

шину на специальную стоянку, после чего спокойно иду, помахивая чемоданчиком, в сторону регистрационных стоек. Регистрация, контроль безопасности, перекурить... Я редко курю, это, скорее, баловство, но вот сейчас мне просто нужно, ведь я навсегда покидаю родину. В Россию я больше не вернусь, мне это понятно даже слишком хорошо, ведь тут меня «зачистить» намного проще. Кстати, а почему не убили здесь?

Кажется, я понимаю, почему – я должен пройти какую-то проверку при обращении к номерному счёту, что его разблокирует. Неужели папа так подстраховался? В принципе, мог, ведь возвращались мы из Европы в восемьдесят девятом, когда страну уже шатало и грозило разнести по кочкам. То есть, пока я этого не сделал, убивать меня нельзя. Вот это уже похоже на правду, даже очень. Ладно, в эти игры можно играть вдвоём, а я, благодаря папе, не тупой баран, не знающий, что такое Курбан-байрам. Так что...

Контроль документов вопросов не вызывает, виза – «лучше настоящей», потому что длинносрочная, документы подлинны, я спокоен, так что мне отдадут паспорт, пожелав счастливого полёта. Ну, думаю, в полёте ничего и не случится. Вот что интересно: а бумага Аненербе настоящая? Наверное, да, смысла-то её подделывать...

Лилия Найдёнова

По-моему, муж сошёл с ума, или же кореша подлили ему что-то странное. Эти сутки были самыми страшными за всю мою жизнь. Дело даже не в том, что он меня ещё раз избил, отходя проводом за то, что я как-то не так, по его мнению, стонала, но ведь он весь день и практически всю ночь с меня не слезал! Ни поесть не давал, ни помыться, ни, пардон, в туалет сходить! И всё это с рыком, с яростью...

Утро я встречаю в ванной, где просто заперлась от ставшего очень страшным Сергея. Осмотрев себя в зеркале, понимаю, что выгляжу как жертва насилия, да и от тигра мало отличаюсь – в смысле такая же полосатая. А ещё я очень боюсь Сергея. Очень-очень. Желание убежать и спрятаться просто невыразимое, поэтому я и запираюсь в ванной. Ну и смыть с себя всё нужно. И поплакать ещё.

Что мне делать? Я такого не переживу, абсолютно точно. Я и сейчас-то не уверена, хочу ли жить. Одно дело – ноги раздвинуть, когда ему надо, а совсем другое – вот так. Не сдержав мучительный рвотный позыв, склоняюсь над унитазом. Надеюсь, я хотя бы не забеременею, никакому малышу видеть, что *такое* делают с мамой, я не пожелаю. Может, убежать? Так найдёт же! Или же просто сдохну под забором, потому что никому я не нужна. Красивая девка, и только. Украшение панели, тьфу!

Через дверь слышу, как звенит его пейджер. Спустя несколько минут до меня доносится забористый мат. Входная дверь хлопает, и я понимаю – он ушёл. У меня есть передышка для того, чтобы подумать. Чтобы вдохнуть, выдохнуть и поплакать. Раз он ушёл, то бить за слёзы, как давеча, никто не будет.

Осторожно выползаю из ванной, понимая, что двигаться могу очень ограниченно. Но нужно хоть чего-нибудь поесть, а там и подумать можно. Мне очень надо подумать, что делать, потому что второй раз я такой марафон боли просто не переживу. Мне и сейчас-то жить не хочется, хотя и нельзя о таком думать. Но так – точно нельзя. Дело не в том даже, что я так не хочу жить, а в том, что Серёжу я теперь боюсь.

Зайдя в кухню, вижу забытый мужем пейджер. Интересно, что его так возбудило? Заглянув в последние сообщения, я перечитываю написанное трижды, затем роняю прибор и опускаюсь на пол, чтобы поплакать. Да, теперь я понимаю, почему он так озверел... «Серый, Лильку после возбuditеля в водке не затрахал?» – гласит короткое сообщение. Вот чего он так озверел, оказывается...

Хорошо известный, кстати, факт – нельзя афродизиаки алкоголем запивать. Когда у Серёжи проблемы были такие, что и не вставало, я внимательно этот вопрос изучила. Спиртное вместе с возбuditелем вызвало у него реакцию не только возбуждения, но и бешенства. Значит, он помчался мстить, а потом извиняться придет. Вот только готова ли

я принять извинения от того, кто сутки показывал мне лик бешеного зверя? Кажется, во мне что-то сломалось, потому что я просто ничего не хочу, даже аппетит куда-то подевался, сменившись сильной тошнотой. И боль...

Разливающаяся по всему телу боль не позволяет даже думать, она тянет, печёт, горит, отчего ни встать, ни сесть. Если Сергей продолжит сегодня, я просто или сойду с ума, или окончательно сломаюсь, или не выживу. Но смерть надо заслужить ещё, мне в детдоме это очень хорошо объяснили, поэтому «лёгкого» выхода для меня точно не будет. Вспоминаю, что муж выкрикивал, кроме мата, когда меня бил. Я особо-то и не воспринимала ничего от боли и паники, но «малолетняя шалава» слышала. Значит, он в своём воспалённом мозгу воспринимал меня маленькой?

Я боюсь Сергея, просто боюсь теперь. Получается, мне ещё повезло, что он не тронул меня в пятнадцать... Почему меня так тошнит? Да и постоянное ощущение, что сейчас в обморок упаду, тоже преследует. Пойду я лучше полежу, всяко лучше будет, потому что есть сейчас я не смогу – тошнит как-то очень сильно. И страшно тоже, просто до ужаса, потому что я понимаю – однажды муж меня убьёт, просто забьёт насмерть, и больше Лили не будет. Не люблю своё имя, мне его тоже в детдоме дали, потому что своего я не знала. И имя, и фамилия, и одежда – у меня своего, по-настоящему своего ничего нет, всё мне дали, а сама я ни на что не способна. Вот муж, наверное, скоро убьёт.

Я падаю на кровать, ощущая какую-то странную слабость. Кажется, я на несколько мгновений даже теряю сознание, потому что в следующий миг чувствую прикосновение. Я знаю, что это Сергей, поэтому от страха сжимаюсь, как в том детстве, что помню. Я сжимаюсь, уже готовая умолять о пощаде и совершенно неготовая открывать глаза.

– Прости... – слышу я его голос.

Он что же, считает, что после всего, что сделал со мной, этого самого «прости» достаточно? Но хорошо зная взрывной нрав Сергея, я медленно открываю глаза, надеясь только на то, что мой взгляд не будет слишком затравленным. Муж выглядит каким-то потерянным, он смотрит на дело рук своих, ведь одеться я так и не успела, и рассказывает о «шутке» его «корифанов», ну, то есть «партнёров по бизнесу». Они, разумеется, не знали о том, какой эффект может быть достигнут, как не знал и муж, поэтому сейчас он шокирован.

– А давай поедem куда-нибудь? – предлагает мне Сергей. – Вот куда ты хочешь?

– В Швейцарию, – предлагаю ему, потому что вариант Мальдив сейчас и не рассматривается, а вот горнолыжный курорт – как раз, ну и не посмеет он меня там бить, потому что швейцарцам наплевать, сколько у тебя денег, они за такое дело очень больно могут наказать, поэтому я буду хоть немного защищённой.

– Хорошо, – сразу же соглашается он. – Вот прямо завтра и поедem, согласна?

– А давай сегодня? – спрашиваю его с затаённой надеждой.

Вижу, задумался, а мне просто страшно. Я боюсь остаться с ним наедине, боюсь, что он опять начнёт, а там... В отеле, если что, меня спасут, я точно это знаю, потому что швейцарцы отличаются от других. Именно поэтому я хочу поехать в Швейцарию. Хоть призрачная, но защита, а что будет потом, мне неважно, как будто для меня не будет больше никакого «потом».

Всё-таки сломал что-то во мне мой Серёжа... И в теле сломал, и в душе, в которой теперь живёт страх. Просто страх и больше ничего, как будто Лиля закончилась, пропала, растворившись в своей боли. Сил нет ни на что, меня накрывает волна слабости, за ней приходит волна дрожи, да такой, что кровать ходуном ходит. Хочется обратиться к Богу, вот только он меня вряд ли услышит... Кому я нужна...

Глава четвёртая

Александр Тихонравов

Аэропорт за пятнадцать лет, конечно, изменился, но несильно, поэтому я вполне представляю, куда идти. Несмотря на то что «хвоста» не вижу, уверен – он есть в том или ином виде. Пока иду, пытаюсь поставить себя на место тех, кто послал меня сюда. По идее, в первую очередь человек должен озаботиться деньгами, поэтому я меняю доллары на франки в первом же обменнике, который здесь называется филиалом банка. Получив довольно крупные разноцветные банкноты, двигаюсь дальше к кассе.

Предполагается, видимо, что я сразу же рвану в Цюрих, к банку, но я поступаю иначе. Мне действительно нужны деньги, но и документы тоже, а вот документы находятся в ячейке банка в Берне, что логично – там же наше посольство было. Поэтому мне нужны не электрички, а поезда, в которых я, разумеется, разбираюсь.

Я иду спокойным шагом, ничем не привлекая внимания, и к кассе подхожу, смешавшись с толпой. Расписание сообщает, что через двадцать минут у нас будет скоростной на Берн, что мне очень даже подходит, потому что в Цюрихе он тоже останавливается – если «хвост» есть, он подума-

ет, что я просто шикаю. Да, я подстраховываюсь, потому что лучше быть параноиком, чем трупом, так папа говорил, и я целиком с этим утверждением согласен.

– Пожалуйста, билет до Берна на двадцать седьмой, – по-немецки с характерным бернским выговором прошу я улыбающуюся мне девушку за стеклом. – Первый класс, – уточняю я.

– Конечно, – кивает она, что-то быстро отщёлкав у себя там. – С вас пятьдесят два франка.

– Прошу вас, – протягиваю я сотенную купюру, чтобы быстро получить билет и сдачу.

Что люблю здесь – минимум слов, максимум дела. Две минуты – и билет у меня, можно двигаться к платформам. Куда поеду из Берна, я сам ещё не знаю, но это и хорошо. Быстрый взгляд на табло подсказывает мне, на какую платформу идти... Вот, кстати, и лифт.

Чем удобен лифт – возможных соглядатаев отсекает, а попутчиков позволяет запомнить. Но, как ни странно, на войне я себя не чувствую, скорее, в отпуске. Несмотря на все выкладки, на явно нависшую опасность, на душе как-то спокойно. Возможно, это из-за детских воспоминаний, всё-таки в Швейцарии мы прожили дольше всего.

Вот и мой поезд. Я спокойно двигаюсь к первым вагонам, внимательно посматривая по сторонам. Странно, но, похоже, «хвоста» нет. Очень интересно, но, возможно, и правильно – зачем давить? Никуда я отсюда всё равно не денусь – ну,

по мнению Конторы, хотя и непонятно, ведь история моей семьи тайной не является, логично предположить, что я ещё как могу деться в стране, где мне многое известно. Может, за лоха держат?

Поезд напоминает самолёт без крыльев, заставляя улыбаться, вагон первого класса довольно просторный, я отправляюсь в сторону кресел для курящих. Это позволит мне подумать, во-первых, отбить запахи, во-вторых, ну и пропахнуть дорогим табаком, в-третьих. Вряд ли в банке меня будут обнюхивать, но запах запомнят, а логика простая: если запах табака – значит, курит. И вот это тоже само по себе может быть неплохой маскировкой.

Медленно, будто нехотя, поезд начинает движение. Его бело-серые поверхности смотрятся довольно-таки современно, но вместе с тем ещё и монументально. За окном тянется стена туннеля, сменившись затем травой и деревьями. Поезд у нас скоростной, что значит практическую невозможность что-либо рассмотреть за окном – просто пятна зелени, серого асфальта и разноцветных домов.

У меня же выдаётся время подумать. Снова мне кажется всё происходящее нереальным, как будто я себе придумал сюжет для своей же книги. Но не могли же в Конторе провернуть такую малодоверенную операцию только для того, чтобы заставить меня жить в Швейцарии? Так просто не делается, поэтому работаем в пределах продуманной версии. Если я ошибаюсь, то ничего страшного в этом нет.

За окном пролетают деревья, где-то вдалеке встают горы, к которым я ещё вернусь, а мне совершенно не хочется думать. Вот сейчас приеду, возьму с вокзала такси, главное, адрес посольства по привычке не называть, и отправлюсь в банк. Надо разобраться со счётом, вытянуть документы из ячейки, затем уже разбираться и где жить, и как это всё будет выглядеть в результате.

Вот уже состав сбавляет ход, это очень хорошо чувствуется. Я начинаю различать людей за окном, автомобили на шоссе рядом с железной дорогой, какие-то строения. Взгляд цепляется за знакомый дом, вот ещё один... Да, я в Берне. Узнавание пробегает по телу тёплой волной, будто домой вернулся. Только вот нет у меня здесь дома, а на Родине, похоже, мне не сильно рады.

Я выхожу из вагона, помахивая чемоданчиком. Где здесь стоянка такси, я хорошо помню, поэтому уверенно двигаюсь в нужном направлении. Документы у меня интересные, потому что я здесь родился. Так получилось, что родился я именно в больнице Берна, а не посольской, которой тогда не было, поэтому, несмотря на то что в наших документах местом моего рождения записана Москва, как это было принято, в швейцарских, сделанных папой, стоят совсем другие сведения. Если законы изменились несильно – а в Швейцарии они не меняются веками – то шанс на гражданство у меня есть. А это очень хорошая новость.

– Кредит Свисс¹¹, центральный, – командуя я таксисту, едва лишь усевшись на заднее сиденье.

– Десять минут, – улыбается моему бернскому диалекту говорящий точно так же водитель.

Десятиминутная поездка приносит мне тонну информации об изменениях, произошедших в столице. В основном изменения политические, поэтому мне они не сильно важны сейчас, но вот под конец звучит информация о гигантском метеорите, приближающемся к Земле. Это уже не американская жёлтая пресса, тут, пожалуй, всё серьёзнее может быть.

Решив подумать об этом позже, я расплачиваюсь у таксомотора, затормозившего возле старинного на вид особняка – второго по возрасту банка страны. Ну, что же, наступает момент истины, по крайней мере, мне так кажется.

А вот отсюда я, наверное, двину в сторону гор. Раз информация об астероиде может оказаться правдой, то в любом случае лучше держаться поближе к крупным убежищам. Швейцария в этом смысле очень специфическая страна – здесь в каждом доме есть противоатомные убежища, ну и внутри гор, разумеется, тоже, поэтому держаться поближе к ним, по-моему, вполне логично.

¹¹ Credit Suisse – в то время один из двух старейших банков Швейцарии. В нашей истории был поглощен банком UBS в 2022 году.

Лилия Найдёнова

Вроде бы уговорила... Муж уходит куда-то звонить, я же отправляюсь обратно в ванную. Во-первых, надо одеться, во-вторых, намазаться кремом и ещё раз осмотреть себя. Голова кружится невероятно, от страха временами даже дрожать начинаю, ну и больно ещё... Боль из моего детдомовского детства вернулась ко мне совершенно неожиданно, меня буквально расплющив. Да и то, в детдоме так жестоко не наказывали вроде бы, по крайней мере, я этого не помню.

Как я ходить буду – просто не представляю, но и оставаться здесь страшно до паники. Едва захожу в туалет, как меня буквально выворачивает приступом мучительной рвоты, хотя вроде бы и нечем уже. Поэтому обнаруживаю себя на коленях возле унитаза. Рот мою над биде, мне уже неважно. После рвоты мне становится легче, теперь можно встать и осмотреться.

Промежность – сплошной синяк, сзади вид вообще страшный, как из застенков каких-нибудь. Беру верный «Спасатель»¹² – кто бы знал, что он мне понадобится? – и начинаю наносить на себя мазь. Она ещё и боль снимает... Через некоторое время наступает облегчение, от которого руки и ноги начинают колоть иголочками – это признак приближающегося обморока, с которым я хоть и с трудом, но справ-

¹² Мазь, помогающая справиться с гематомами.

ляюсь.

Очень хочется плакать, но я держусь. Надо держаться, не время для плача, вчера мне Сергей очень хорошо показал, что бывает за плач, поэтому я давлю в себе слёзы. Вот окажусь в безопасности, тогда поплачу в своё удовольствие, а сейчас ещё не время... С разбитой мордой на паспортный контроль не пустят. Кстати, странно, но лицо уцелело, значит, муж бил так, чтобы видимых синяков не оставить. Я его боюсь...

Надеваю плотные штаны, хотя так больней, но безопасней – никто не увидит результат мужниной «любви», ну и блузку с длинным рукавом, после чего выхожу из ванной. Сергей смотрит на то, как я двигаюсь, хмурясь, что меня пугает. Я чуть было не возвращаюсь обратно, но удерживаю себя в руках. Ну, что же, надеюсь, он доволен.

На самом деле, бояться мне есть чего. Несмотря на то что я уже знаю – не его вина была в том, что он так озверел, но ведь вёл он себя, именно как дикий зверь, а не человек, значит, и невиновным его не назовёшь... Впрочем, для меня это совсем не сюрприз, просто я, видимо, совсем не ожидала, что он на такое по отношению ко мне способен. Ну вот, теперь знаю, способен. Я довольна?

– Я заказал билеты, – сообщает мне Сергей. – Полетим через два часа, собирайся быстро!

– Бегу! – выкрикиваю я, устремляясь к лестнице.

Откуда только силы берутся! Я почти бегу в свою комна-

ту, игнорируя боль, вне себя от счастья. Как мало мне, оказывается, для счастья надо, всего только хоть какой-то безопасности. Очень страшно мне оставаться с мужем наедине, просто очень.

Через десять минут я готова, в руке у меня чемодан, в который я покидала вещи, не глядя. А ещё в нём есть кредитка, она моя собственная. Там утащенные у мужа деньги на чёрный день. Ну, как утащенные... Он же не считает, когда даёт, а я трачу экономно, а остаточки – на карточку. И хотя Сергей не требует отчёта, я всё равно считаю, что получила эти деньги не самым честным путём.

Усевшись в его «Паджеро»¹³, стараюсь максимально расслабиться и не вздрагивать, когда меня касается рука мужа. Сергей сегодня непривычно молчаливый, какой-то напряжённый, что ли. Он не разговаривает, просто ведёт машину, при этом, кажется, старается вести аккуратнее, что у него не особо получается – на ухабах машина подскакивает, что отдаётся во всём моём теле болью, просто до слёз, но я не плачу, мне просто нельзя, этот опыт повторять я точно не спешу.

Одной рукой Сергей залезает в нагрудный карман, затем бросает мне на колени карточку. На золотой кредитной карте какого-то иностранного банка – моё имя, значит, счёт оформлен на меня. Я не понимаю, что это значит, но муж тут же объясняет:

¹³ Mitsubishi Pajero – среднеразмерный японский внедорожник.

– Там полста тысяч баксов¹⁴, – сообщает он мне. – Предчувствие какое-то нехорошее. Если со мной что, хоть на первое время хватит.

– Спасибо... – ошарашенно произношу я, лишь затем сообразив, что он так извиняется.

Не умеет Серёжа иначе извиняться, бандит есть бандит, как его ни назови – всё деньгами мерит. Но всё равно это мне какая-то гарантия на случай чего. Я его многословно благодарю, даже тянусь поцеловать, хотя противно. Я очень хорошо сейчас осознаю: мне противно его целовать, прикасаться, да и вообще терпеть рядом. Это открытие меня пугает, потому что мужем-то он моим остаётся по-прежнему.

Но долго раздумывать у меня не выходит, автомобиль с визгом покрышек останавливается на парковке аэропорта Шереметьево, и в следующее мгновение муж волочёт меня к стойке регистрации. Выглядит это именно волочением, я едва успеваю переставлять ноги, но, тем не менее, несколько минут – и мы уже регистрируемся на рейс. Неужели через несколько часов я окажусь в безопасности?

Это происходит в очереди на контроль полётной безопасности. У Сергея истошно звонит мобильный телефон – новомодная «Nokia 3650» с круговым расположением кнопок и цветным экраном. Муж выдаёт матерную тираду, правда, небольшую, хватает трубку¹⁵ из чехла и вступает в разговор.

¹⁴ Долларов (сленг).

¹⁵ Сленговое название мобильного телефона.

Меня окатывает волной паники – неужели сейчас всё сорвётся?!

– Сейчас буду! – зло бросает Сергей, а у меня внутри всё будто обрывается, все мои надежды на безопасность рушатся, подобно американским башням-близнецам.

– Возвращаемся? – упавшим голосом спрашиваю я, готовая уже заплакать, и будь что будет.

– Стоп! – муж несколько мгновений раздумывает, затем отдаёт мне мой паспорт с посадочным талоном, открывает барсетку и буквально всучивает свою платиновую кредитную карту. – Лети сама, заселяйся и жди меня, – жёстко командует он. – Платишь с этой карты, поняла? Она безлимитная!

– Одна? – поражаюсь я, но Сергей, даже не попрощавшись, уже срывается с места.

И тут подходит моя очередь, я прохожу сквозь рамку и плачу, не в силах успокоиться, забираю куртку и документы, а слёзы градом катятся по моим щекам. Судьба внезапно сделала мне огромный подарок, просто невозможный – я лечу одна, без Сергея, без этого зверя в человеческом обличье, без этого монстра. Я... свободна?

В каком-то полуобморочном состоянии я прохожу на посадку в самолёт... Вот и взлёт, во время которого боль с новой силой проходит по моему позвоночнику. Но я свободна, я чувствую это! Сергей остаётся в Москве, а я... я уже не там и, наверное, могу убежать, куда угодно, так что этот

зверь меня больше не найдёт... Это, конечно, мечты, но у меня есть сейчас деньги, значит, теоретически я могу убежать. А хочу ли я убежать?

Очень... Я очень хочу оказаться там, где нет моего мужа, где вообще нет людей, желательно совсем.

Глава пятая

Александр Тихонравов

Визит в ничуть не изменившееся со времени моего последнего посещения центральное отделение банка можно охарактеризовать одной фразой: никаких сюрпризов. Правильно отреагировав на код, сотрудник банка отводит меня в хранилище, где достаёт из ячейки продолговатый ящик. Я открываю его, вынимаю папку с документами и отдельно лежащее завещание отца, которое тут же протягиваю сопровождающему меня клерку.

– Это завещание отца, погибшего в России, – объясняю я. – Он предполагал, что возвращение на Родину будет сложным.

– Очень хорошо, – невозмутимо кивает сотрудник банка. – Мы сразу же оформим ваш новый счёт. Ещё что-нибудь?

– Вот тут мои бумаги, – показываю я папку. – Я родился здесь и хочу жить тут в дальнейшем. Что для этого надо сделать?

– Обратиться в мэрию, – улыбается он, кивая, моё желание для него так же естественно, как и восход солнца. – Добро пожаловать домой!

С помощью банка я довольно быстро оформляю документы, с некоторым удивлением узнав, что папа купил и дом, оформив его очень хитрым способом – непосредственно на банк и включив в завещание. Недвижимость в Швейцарии – это дорого, а учитывая, что дом находится в районе горнолыжных курортов, так и вдвойне. Но место уединённое – как раз, чтобы спрятаться ото всех. Папа как знал! Учитывая стоимость этого приобретения, он точно наложил лапу на золото партии. Получается, его действительно убили, других вариантов нет.

Счёт довольно быстро переоформляют на моё имя, сумма на нём довольно приятная, поэтому пока ни в чём нуждаться точно не буду. Ну а потом – будет потом. Сейчас мне нужно ехать в городок, к которому относится теперь уже моё владение, зарегистрироваться в мэрии и подать документы на гражданство. Дело это было бы непростым, но я родился в Швейцарии, был увезён из неё до возраста принятия решений, то есть, по местным законам, в том, что я жил не здесь, моей вины нет.

Поблагодарив сотрудников банка, получив на руки чековую книжку, прошу вызвать мне такси. Это довольно обычная практика в Швейцарии, а тут я ещё и «богатенький Буратино», получается, то есть мне навстречу пойдут. Нужно будет ещё о водительских правах позаботиться и о колёсах, благо это вообще не проблема – обменяют мои российские, и всё. Значит... хм... А что это значит?

Значит, можно ехать обратно, то есть поездом в окрестность Церматта, а городок, к которому относится мой отдельно стоящий дом, зовётся Тэш. Но мне всё равно в Церматт сначала – все чиновники там обретаются. А вот и такси, сейчас буду опять трюндеть с водителем, а пока подумую.

Моя основная задача – хорошо спрятаться и посмотреть, что может быть спрятано в центральном туристическом месте Швейцарии. По-моему, это не смешно, но посмотреть надо, интересно всё-таки. Что это значит для меня? Сначала временные документы, потом постоянные, получить права, купить машину и раз в неделю ездить за продуктами. Логично? Логично. То есть план у меня есть, проблем я не вижу, основные языки Швейцарии знаю, а из-за того, что дом отдельно стоящий, ещё и разрешение на оружие можно получить. Кстати, если я хоть немного знаю характер своего папы, то оружие там есть.

Таксомотор высаживает меня у вокзала, куда я спокойно вхожу. Мой чемодан со мной, он небольшой и внимания не привлекает, а я смотрю расписание. Поездов два, но я поеду на скоростном, через Цюрихский аэропорт, заодно посмотрю на наличие или отсутствие суеты. То есть ищут ли меня уже или ещё пока нет. Билет беру в первый класс, чтобы иметь возможность подумать, да и не люблю я толчею. Пока у меня всё получается, даже странно.

Или от меня не ожидали такой прыти, или ситуацию я оцениваю неправильно, но в целом это не меняет ничего. Спо-

койно топаю в направлении платформы, никто не проявляет ко мне никакого интереса, выгляжу я уверенно, поэтому даже полиция смотрит сквозь меня. Интересно, что на самом деле происходит? Впрочем, рано или поздно узнаю, конечно, а если и нет, то невелика потеря.

Вот и поезд подают, тут у него конечная, поэтому я спокойно захожу, нахожу своё место в купе для курящих. Сейчас и мне, пожалуй, закурить не помешает. Ощущение странное, но внутри покой, то есть предчувствия не беспокоят. Достāju сигарету... Это, конечно, неправильно – курить, даже очень неправильно, но мне сейчас просто надо, поэтому затягиваюсь ядовитым дымом. Состав табачного дыма я знаю, но мне на это сейчас плевать, раньше или позже я, конечно, перестану курить, учитывая особенно, что в Швейцарии это дорого, но пока...

Тронулись... Мягко разгоняющийся поезд слегка вжимает меня в спинку кресла. Я же смолю сигарету и размышляю, пробегая ещё раз по пунктам намеченного плана. Вроде бы всё продумано и логично, можно и расслабиться чуть-чуть, пока летим к Цюриху. Точнее, к Клоттену, потому что аэропорт находится именно в этом пригороде банковской столицы.

Просыпаюсь я именно в момент остановки поезда в аэропорту. Протерев лицо руками, чтобы прогнать сонную одурь, вглядываюсь в окно. Обычная суета, никто внимательно вагоны не разглядывает, вообще ничто не говорит о том, что что-то не так. Значит, меня пока ещё не ищут, уже хорошая

новость, ибо даёт время.

Взгляд цепляется за фигурку девушки, устремившейся к вагону. Что-то с ней не так, не могу даже сразу сказать, что именно. Тонкая хрупкая фигурка неловко лезет в поезд, и я теряю её из виду. Что-то привлекло моё внимание, но что? Долго раздумывать не получается, потому что дверь раскрывается, и в моё «курящее» купе входит именно эта незнакомка. Зыркнув на меня исподлобья, она смотрит в билет, потом на меня, а затем усаживается в дальний от меня угол. Не здороваётся, что характерно, в глазах – страх, да и ведёт себя странно. Швейцарки так себя не ведут, да и туристы тоже.

Очень молодая, лет двадцати, девушка напоминает взъерошенного котёнка, откровенно меня пугается, а сидит напряжённо, как будто само сиденье доставляет ей неудобство. Я посматриваю на неё так, чтобы мой интерес не был очень уж заметен, и отмечаю характерные признаки. Насиловали, что ли? Видел я уже подобное на Балканах... И, видимо, ещё и избили? Очень уж неуверенно сидит, но себя в руках держит, что по слегка прикушенной губе заметно. Странно...

Поезд начинает движение, дёрнувшись, отчего девушка едва слышно всхлипывает. Это совсем нехорошо, просто очень. Не нравится мне то, что я вижу. Вопрос только – не ловушка ли это для меня?

Лилия Найдёнова

Весь полёт я чувствую себя как на иголках, то есть как будто в меня воткнули иглы и медленно их разогревают, но я держусь. Мне нужно добраться до гостиницы, упасть на кровать и не шевелиться хоть немного. Больно, очень больно, просто сил нет терпеть. Такое ощущение, что Сергей не только избил, но ещё и ссадины солью присыпал... Но это вряд ли, конечно, просто наложилось всё, вот мне и больно...

Посадку я встречаю с радостью. Что делать дальше, я знаю – нужно подойти к кассе, на которой так и написано, протянуть карточку мужа и сказать: «Церматт», дальше они сами всё сделают. Но сначала мне надо выйти из самолёта, пройти паспортный контроль и найти эту самую кассу, а вот двигаться мне опять очень больно.

Тем не менее выбора у меня нет, поэтому я медленно двигаюсь на контроль, по дороге забрав с багажной ленты свой розовый чемодан. Он удобный, на колёсиках, с выдвижной ручкой, на которую можно опереться, что я сейчас и делаю. Голова кружится и тошнит. В самолёте меня разок вырвало, к счастью, рядом была стюардесса. Она же помогает мне добраться до паспортного контроля.

Английский у меня не очень хороший, хотя я дважды прошла курсы, но то ли учат у нас так себе, то ли я не очень

способная. В любом случае понимаю я с пятого на десятое, но то, что говорит стюардесса швейцарского самолёта, до меня доходит: «Она беременна». Опротестовывать не буду, мнимая беременность как нельзя лучше объясняет и бледность мою, и тошноту. Именно поэтому паспортный контроль я прохожу быстро, затем добрая девушка передаёт меня своей коллеге, а я радуюсь тому, что это не мужчина. Вот именно новая женщина и доводит меня до касс, как-то незаметно страхуя и позволяя присаживаться на скамейки, хоть это и больно.

Билет я получаю, не очень хорошо соображая, что и кому говорю, поэтому стараюсь сосредоточиться только на номере поезда и места. Кредитку мне возвращают, я её прячу в карман, двинувшись в сторону туалета. Нужно осмотреться, не пошла ли где кровь, потому что очень уж больно, просто ноги подгибаются. Вот будет номер, если я здесь упаду. Нельзя! Нельзя падать, нужно добраться до гостиницы!

Туалеты здесь чистые, зеркало в кабинке есть, оно мне и сообщает, что кровь, конечно, не пошла, но на этом хорошие новости и заканчиваются. Доеду ли я до гостиницы – тот ещё вопрос, не упаду ли по дороге? Судя по ощущениям, балансирую на грани потери сознания, что, конечно же, радовать не может. Сажусь на унитаз, понимая, что в туалет ходить мне тоже больно. Проверяю затем – крови нет. Ну, раз нет, то пока и не буду думать об этом. Надо идти.

Надо... И я иду. Медленно переставляя ноги добираюсь

до лифта, который отвозит меня куда-то вниз. Выйдя, вижу платформу и подходящий поезд. Голова начинает кружиться сильнее, но я держусь. В поезде, наверное, можно будет хоть немного расслабиться, а сейчас просто-напросто нельзя. Нужно терпеть, терпеть!

Остановившийся поезд открывает двери, я же нахожу нужный мне вагон и захожу внутрь. Ещё немного осталось, совсем чуть-чуть – добраться до купе и сесть... Но, видимо, судьба желает меня испытать – внутри мужчина. С интересом глядящий на меня мужчина лет двадцати пяти-тридцати, то есть такой, как мне нравится. Но вот мне от его вида становится просто страшно, поэтому я отсаживаюсь подальше, и всё равно, чьё это за место.

Теперь нужно попытаться расслабиться, чтобы было не так больно. Но расслабиться не получается – в купе мужчина. Приятной наружности, волосы светлые и едва заметно тронуты сединой, глаза голубые, а вот лицо немного вытянутое. Скорее, на немца похож, ну немца я, наверное, не заинтересую, поэтому достаю пачку длинных тонких сигарет, чтобы перекурить.

Может быть, сигарета поможет расслабиться, и не так страшно будет. Поезд трогается, отчего я, не удержавшись, всхлипываю, но сознание, к счастью, не теряю. Надо закурить, тогда не упаду в обморок, надеюсь. Странно, что от запаха дыма не тошнит, хотя, по идее, должно. Значит, меня выворачивает от чего-то другого, понять бы, от чего...

Дверь купе открывается, входит человек в униформе, что-то говорит, а я его просто не понимаю. В ушах стоит звон, как комар пищит, отсекая все звуки, я же ощущаю нарастающую панику, потому что представляю, как этот, в униформе, на меня сейчас набросится, как будет рвать с меня джинсы, желая добраться до того места, куда они все стремятся. Перед глазами всё темнеет, и я...

...Прихожу в себя. Я лежу на спине, мужчина в униформе разглядывает мой билет, о чём-то спрашивая моего соседа, по-видимому, и уложившего меня на спину. Боль при этом не такая сильная, какой должна быть, поэтому терпеть можно. Хочется завизжать и убежать, но я этого просто не могу сделать – меня накрывает слабость и какая-то странная апатия.

– По-немецки совсем не говоришь? – интересуется у меня сосед по купе, только что о чём-то говоривший с сотрудником не пойми чего. Интересуется он по-русски, что характерно.

– Нет... английский... чуть-чуть... – в несколько этапов отвечаю ему, сразу же испугавшись того, что почти не могу разговаривать.

– Тише, тише, в обморок не надо, – как-то очень мягко похлопывает он меня по щеке. – Тебе в Церматт же?

– Д-да... Г-гостиница... – заикаясь, отвечаю я, пытаюсь понять, почему не падаю в обморок и не блюю от того, что он ко мне прикасается.

– Меня зовут Александр, – представляется непрошенный помощник. – Я помогу тебе добраться до гостиницы, а пока лежи, я сказал контролёру, что ты беременная.

Смешно, что каждый считает меня именно беременной, как будто других проблем на свете нет. Но это, пожалуй, хорошо. Ещё что интересно – Александр сразу же перешёл со мной на «ты», хотя я такого разрешения и не давала. Впрочем, сейчас мне настолько плохо, что уже и не важно. А мужчина рассматривает меня и вдруг спрашивает:

– Очень больно? – в его глазах нет издёвки, только сочувствие.

Хочется послать его подальше, сказать заткнуться и не лезть, но тут я думаю: «А какого черта?» и решаю, что помощь следует принять, хоть какую. Если захочет в ответ «сладенького», то мне уже, наверное, после всего, что со мной сделал Сергей, всё равно. Поэтому я медленно киваю.

– Я сделаю тебе укол, – предлагает Александр. – Сквозь одежду, ты и не почувствуешь ничего, зато болеть будет меньше. Согласна?

И тут со мной что-то происходит. В его голосе доброта какая-то, забота, сочувствие, которого я никогда не знала. Что со мной, я плачу?

Глава шестая

Александр Тихонравов

Как девчонка до поезда умудрилась добраться – вообще непонятно, но контролёра она не поняла, жутко его испугавшись. Для европейца вообще поведение нехарактерное, но тут мой взгляд цепляется за выглядывающий из кармана девушки паспорт, и мне всё становится понятно. Краешек надписи говорит о том, что она из России, ну а раз есть деньги приехать сюда, то, скорее всего, жена или дочь нового «хозяина жизни», а там что угодно может быть.

Девочка не просто бледная, она белая, что мне о многом говорит, ну ещё и в обморок падает, что не очень хорошо. Контролеру я объясняю, что тяжело у неё проходит беременность, потому и попёрлась сюда, что для швейцарца вполне логично. Иногда с мозгами они, конечно, не дружат. Но девочка явно на грани болевого шока, это что же с ней сделали-то? Ну и признаки насилия, конечно, есть. Поэтому говорить нужно ласково и очень мягко.

Видел я уже такое, и не раз, кстати, поэтому укладываю девочку на кресла. Красивая она, конечно, глаз не оторвать, но сейчас вызывает просто желание её отогреть. Очень потерянной она выглядит и явно, судя по зрачкам, терпит доволь-

но-таки сильную боль. То есть надо бы ей вколоть от щедрот, пока она прямо в поезде концы не отдала, а она может, легко. Сердце не выдержит – и привет родным.

Представляться в ответ не спешит, но оно и понятно – она вообще вряд ли соображает, что вокруг происходит, плохо ей. Я достаю аптечку, благо у меня много чего с собой есть, жизнь научила. Лежание на спине ей, кстати, неудобство доставляет, значит, действительно избили крепко. Наверное, просто от мучителя сбежала, значит, сюрпризы ещё будут.

– Я сделаю тебе укол, – предлагаю ей как можно более мягким голосом. – Сквозь одежду, ты и не почувствуешь ничего, зато болеть будет меньше. Согласна?

Странно не то, что согласилась, а то, что не испугалась. Она сейчас на что угодно готова, чтобы боль хоть немного утихомирить, а вот страх зависит совсем от другого. Это уже интересно, потому что слишком сложно для ловушки. Таких ловушек просто не бывает, да и времена нынче уже не те. Значит, можно принять за версию – девочка настоящая, не подставная, её совсем недавно сильно избили и как бы ещё не изнасиловали. И медицинская помощь ей не оказывалась, что говорит о чём? Правильно, мучили её дома.

После укола укладываю так и не представившуюся девушку на бок, отчего ей сразу же становится легче. Что это значит, мне, например, понятно. Мусульмане, что ли, какие-нибудь? Нет, не похоже, вряд ли она тогда бы сама путешествовала. Пожалуй, загадка, хорошо, что не моя. Девочка, конеч-

но, красивая, но не про меня – она сейчас мужика к себе вообще не подпустит, даже непонятно, чего на меня так не реагирует.

Уснула, ну это и понятно. Интересная девушка на самом деле. Явно сильно избитая, при этом выгоды от своего состояния не ищет, путешествует одна, всего пугается. Значит, что-то с ней произошло, причём против её воли и неожиданно. Решено, провожу её до гостиницы, помогу заселиться, тоже номер сниму ненадолго и займусь чиновниками, только, наверное, завтра с утра. Сегодня уже поздно, они до обеда работают, насколько я помню.

Интересная ситуация на самом деле. Можно сказать, даже загадочная, как и моя, кстати – и задание, вилами по воде писаное, и намёки Василича, и тот факт, что нет суеты... Хм... Странно это всё на самом деле. И метеорит этот, точнее, астероид. Если он действительно существует и по планете шандалахнет, то нам всем будет мало места. Не всякая ядерная война такое устроить может, так что тоже учитывать надо.

Беспокойно спит девчонка, похоже, кошмары у неё, несмотря на обезболивающее, а это значит, что я прав – против её воли произошло что-то, да ещё и как бы не в первый раз. То есть возможно такое течение событий... Если она, допустим, дочь «хозяйчика», который в прошлом – простой бандит, то могла быть избита, скажем, ремнём с последующим насилием, что для таких людей ни разу не сюрприз. От-

сюда и сильные боли, например... Тогда может и с горы шагнуть, бывает.

А девчонка действительно красивая. Хотя и выглядит побитым котёнком, но красота у неё внутренняя, притягивающая. Я бы за ней приударил, наверное. Но в другое время и в другом месте. Надо будет понаблюдать за ней, но со стороны – не дай бог, примет за преследователя...

За окном встают прекрасные горы, девочка спит, а я размышляю о том, что совпадений не бывает. Раз мы встретились, то, наверное, не просто так. Надо будет осторожно узнать, что с ней случилось, может, помощь нужна. Я же человек, а не животное, так что кто знает.

– Меня Лиля зовут, – слышу я хриплый со сна голос попутчицы. – Спасибо вам...

– Здравствуй, Лиля, – поворачиваюсь я к ней. – Полегче тебе?

Почему-то не могу её на «вы» называть. Наверное, потому что выглядит такой потерянной, хоть и старается принять независимый вид. Но я же не слепой, поэтому мне много чего заметно. Лиля уже не настолько бледная, краски какие-то появились в лице. Она медленно и очень осторожно садится, потянувшись за тонкой сигаретой, торчащей из пачки, обнаружившейся на столе.

– Можно? – тихо спрашивает она, я киваю и помогаю прикурить.

Достав и свои сигареты, составляю ей компанию. Некото-

рое время мы молчим, затем Лиля тихо всхлипывает, а я вижу, как дрожат её пальцы. Курит она не взятяг, то есть бабуется, нарабатывая рак горла, а не лёгких, как все остальные. Но при этом сигарета её явно успокаивает. Надо будет часа через три инъекцию повторить, если позволит, ну а пока наш поезд сбрасывает скорость, подтягиваясь к вокзалу Церматта.

– Приехали? – удивлённо спрашивает меня Лиля.

– Приехали, – киваю я, тушу сигарету и продолжаю: – Гостиница у нас одна, как я подозреваю, поэтому я тебя провожу, согласна?

– Со-согласна, – запнувшись, отвечает она, при этом мне совсем не нравится то, что я вижу.

Девочка ведёт себя так, как будто снова в обморок собирается, а это непонятно. Что с ней происходит? Впрочем, это не так важно – заселю её в гостиницу, а там уже их забота будет. Если что, вызовут врача. Гостиница пять звёзд, жутко дорогая, но вот трупы им точно не нужны, поэтому приглядывают, конечно.

Вот и хорошо, что Лиля со всем согласна, сейчас поезд остановится, и двинемся.

Лилия Найдёнова

Как-то мне очень странно, потому что с ходу доверять кому бы то ни было я не умею, но я не пугаюсь Александра, даже позволяю сделать себе укол неизвестно чем. Вот только после него боль становится меньше, а я начинаю себя намного лучше чувствовать. Какое-то успокоение находит, а он меня поворачивает на бок, как будто знает, что со мной сделал Сергей. А вдруг он действительно знает? Вдруг это соглядатай от мужа? Вдруг... Додумать эту мысль я не успеваю, потому что засыпаю.

Хорошо, что я осознаю факт сна, потому что вижу снова яростно оскалившегося Сергея с каким-то проводом в руках. Мне снится всё то, что произошло, но теперь я слышу и воспринимаю всё, что он зло выкрикивает. И там не только о малолетней шлюхе, но и «пустить по кругу», и много ещё сверх того. И прямо сквозь всё усиливающуюся боль проступает понимание – я боюсь мужа. Я не хочу с ним жить, потому что лучше сдохнуть под забором, чем пережить такое.

Проснувшись, я некоторое время прихожу в себя, чтобы затем вспомнить, что так и не представилась своему благодетелю. Это очень невежливо, поэтому я исправляюсь, назвав своё короткое имя. Говорить длинные слова мне почему-то сложно, ну ещё и ощущение такое, как будто знобит меня. Надеюсь, я не заболела, потому что здесь это может обойтись

очень дорого.

Второй укол я принимаю с благодарностью. Александр колет каким-то небольшим шприцем прямо сквозь джинсы в ногу, отчего мне совсем не больно, а спустя минут десять становится уже совсем хорошо. Боль становится приглушенной, я перестаю дрожать, будто от холода, и опять наплывает сонливость. Но спать сейчас некогда, потому что мы приехали.

Почему этот Александр помогает мне? Как он узнал, что я русская? Почему так ласково разговаривает и... И почему я ему вдруг верю? Кажется, мне даже всё равно, если он захочет взять свою цену, но почему-то думаю, что не захочет. Он какой-то необыкновенно тёплый... Скорей всего, впрочем, я себя обманываю, потому что мне просто очень страшно. Настолько страшно, что уже почти всё равно, что со мной будет.

– Приехали? – удивляюсь я, когда поезд почти уже останавливается.

– Приехали, – кивает Александр, туша сигарету. – Гостиница у нас одна, как я подозреваю, поэтому я тебя провожу. Согласна?

– Со-согласна, – выдавливаю из себя, чувствуя себя так, как будто сейчас в обморок упаду.

Может ли он следить за мной по просьбе мужа? В самолёте я его не видела, а когда вошла в купе, он уже сидел, причём явно не в аэропорту сел. Слишком сложно для соглашения.

тая, чуть ли не шпионские игры получаются, а я – обычная девчонка, никому не нужная сирота, поэтому не выходит.

Но тогда почему он мне помогает? Почему относится с такой заботой? Что ему может быть нужно? Моё тело? Да пусть берёт! Или он маньяк-убийца? Тогда я тоже согласна, всё равно он не сможет сделать ничего хуже того, что со мной сделал Сергей, слова которого во сне меня уничтожили. Лучше бы действительно маньяком оказался, может быть, просто убьёт – и всё закончится.

Он берёт мой чемодан, придерживая меня под локоть, а я... Мне хочется опереться на него, представить на минуту, что это мой парень, и не думать больше ни о чём. Так мы выходим из поезда, куда дальше – я, правда, не знаю, но точно знает увереннодвигающийся Александр. А, он к такси идёт! Три машины стоят неподалёку от платформы.

– До отеля тут недалеко, – объясняет мне мужчина. – Но в гору, а ты сейчас не дойдёшь. Так что подведем.

Я только киваю, ведь он прав, я действительно не дойду сейчас. Но какой он предупредительный! Я таких мужчин даже и не видела ещё. Интересно, он тоже бандит? Может быть, он сможет убить Сергея и освободить меня? Или лучше пусть убьёт меня, потому что жизнь моя, как оказалась, совершенно бессмысленная.

– Карточка у тебя на твоё имя? – интересуется Александр уже в машине.

– Нет, – качаю я головой, решив о своей не говорить. –

Мужа.

– Тогда я посоветую взять предоплату, – уведомляет меня попутчик. – На случай, если твой... муж захочет «перекрыть кран» и срочно вернуть тебя.

– По идее, он должен приехать... – не очень уверенно отвечаю ему, потому что мне очень не хочется, чтобы Сергей приезжал. Мне очень нужно от него отдохнуть, да и от всех людей скопом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.